

**“ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ. КОНЦЕРТ ПРИРОДЫ” СТЕНА СТЕНСЕНА БЛИКЕРА.
ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА**

© 2017 г. М. Р. Ненарокова

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия 121069, г. Москва, ул. Поварская 25а
maria.nenarokova@yandex.ru

**“BIRDS OF PASSAGE. THE NATURE’S CONCERT” BY STEEN STEENSEN BLICHER.
THE LIFE AND ADVENTURES OF A POETIC CYCLE**

© 2017 Maria R. Nenarokova

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of the Classical Western Literature and
Comparative Studies of the A.M. Gorky Institute of World Literature, of the RAS
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
maria.nenarokova@yandex.ru

Проблема отношения фрагмента и цикла рассматривается на примере стихотворного цикла С.С. Бликера “Перелетные птицы. Концерт природы”. Данный цикл существует как в виде единого произведения, так и отдельных стихотворений-фрагментов. Составители антологий делали выборки из первоначального цикла. Глубина и многоплановость стихотворений способствовала возникновению новых, более коротких циклов, на основе цикла, составленного автором. Большую роль в существовании произведения Бликера в виде цикла и фрагментов сыграла музыка.

The problem of the relationship between a cycle and a fragment is considered by the example of S. S. Blicher’s poetic cycle “Birds of passage. The Concert Of Nature”. The cycle in question exists as a single whole, and as divided into separate poems, or fragments. The compilers of the anthologies published excerpts from the original cycle. The depth and diversity of the poems led to the appearance of new, shorter cycles, based on the cycle, written by the author. Music has played a major role in shaping of Blicher’s works in the form of a cycle and its fragments.

Ключевые слова: цикл, фрагмент, эпоха Романтизма, Стен Стенсен Бликер, структура цикла, границы цикла, границы фрагмента, сюжет.

Key words: cycle, fragment, Romanticism, Steen Steensen Blicher, a cycle structure, the cycle bounds, the fragment bounds, plot.

Дата поступления материала в редакцию 3 марта 2016 г.

Received by Editor on March 3, 2016.

Стен Стенсен Бликер (1782–1848), один из крупнейших датских поэтов-романтиков, поэтов Золотого Века, как и его современники, отдал дань созданию поэтических циклов, объединенных “общим названием и общей точкой зрения” [1, р. VII]. Можно смело утверждать, что для Бликера это была особенно любимая поэтическая форма, поскольку он обращался к ней на протяжении всей жизни. Свой первый стихотворный цикл – “Тоска по родине” – поэт опубликовал в 1814 г. в сборнике “Стихотворения”, идея последнего цикла – “Звездное небо” – появилась у поэта незадолго до смерти, после выхода в свет

в 1844–1845 гг. цикла “Датские насекомые”, но он не успел осуществить задуманное.

Из всех поэтических циклов Бликера, а всего их было написано семь, как законченных, так и оставшихся незавершенными, цикл “Перелетные птицы. Концерт природы”, оказался наиболее любимым и востребованным читающей публикой. Впервые напечатанный в 1838 г. [2, р. 79], практически сразу после завершения, он многократно переиздавался как отдельная книга [2, р. 302, 308, 398, 406] и в составе собраний сочинений поэта [2, р. 190, 264, 320, 394, 398, 435–436].

Часто бывает, что какая-то мысль, как зерно, откладывается в памяти поэта или писателя и прорастает в произведение гораздо позже. Так было и с “Перелетными птицами”. Как писал сам поэт в своей “Автобиографии”, его “самым любимым чтением, даже в годы отрочества, были описания путешествий, и отсюда естественным образом родилась жажда странствий” [3, р. III], которую поэт смог удовлетворить только в зрелом возрасте. Еще в 1818 г., когда Ингеманн собирался отправиться в Италию, Бликер написал ему: “Езжай и насладись тем, на что я тщетно надеялся! Я должен довольствоваться короткими прогулками воображения. Ах! поверьте, после рассказа о Вашем предстоящем странствии я почувствовал беспокойство, как Перелетные Птицы, когда приходит время отлета” [1, р. 75]. Как кажется, образ перелетных птиц не случайно возник в письме Бликера: поэт страстно увлекался охотой и в свободное от пастырских обязанностей время уходил с ружьем и собакой на вересковые пустоши, где он мог наблюдать смену времен года и связанное с ней поведение птиц. Кроме того, не стоит забывать и тот факт, что Бликер был верующим человеком, священником, и образ перелетной птицы-странницы наполнялся для него религиозным значением.

Вторая часть названия цикла, “Концерт природы”, передает восприятие Бликером звуков дикой природы, которые для поэта, человека образованного, учившегося в столице и часто посещавшего там музыкальные вечера и концерты, имеют собственную художественную ценность, не уступая произведениям профессиональных композиторов. Выражения “птичий хор”, “птичий концерт”, “симфония природы”, так называемые стертые метафоры, столь часто употребляющиеся, что о смысле их уже не задумываешься, вновь оживают и обретают первоначальную свежесть при чтении поэтического цикла Бликера. Цикл состоит из тридцати трех стихотворений, причем первые два — “Прелюдия” и “Увертюра” — стоят как бы вне основного корпуса стихов.

Стихотворение “Прелюдия”, о котором более подробно будет сказано ниже, сохраняет свою самостоятельность по отношению ко всему циклу, ибо оно является монологом автора, но также служит и вступлением к собственно “Концерту природы”, когда взгляд поэта, а вместе с ним и его читателя, перемещается от птицы, запертой в клетке, к широкому и свободному миру сельской Ютландии. Стихотворение “Увертюра” также играет роль вступления к циклу. Оно рисует картину безмолвной зимней природы, но заключает в себе предчувствие приближающейся весны.

В описании голосов птиц встречаем термины, обычно характеризующие тональность и темп музыки. “Концерт природы” открывает песня золотистой ржанки, появление которой в Скандинавии связывают с возвращением весны и тепла: “Ржанка! У нее есть одна лишь мелодия, / И та еще в *миноре*; / Она настраивает немного на меланхолический лад, / И все-таки я кричу: *Бус!* / Мне очень нравится ее *Maestoso*” [5, р. 17]. В начальных строках стихотворения находим и указание на тональность — минорную, говорящую о том, что песенка ржанки скорее грустная, чем веселая, и на ее темп — медленный, величественный, что довольно точно описывает несколько однообразное, размеренное пение этой птицы.

Другая картина возникает в стихотворении, посвященном вальдшнепу. Песенка этой птицы описана более подробно: “Ты лучший летун, который взмывает к небу / *Pizzitando!* / И снова устремляется к земле, как молния, / *Smorzando!* / Твое *Amoroso*, честное слово, звенит, / Как смех, / Хотя сначала ты настроился на *Adagio*, / Ты заливаешься [смехом]” [5, р. 60]. Поэт употребляет сразу четыре музыкальных термина, которые одновременно характеризуют и песню птицы, и возможно, ее полет: “пиццикато” — *pizzitando*, описание голоса вальдшнепа в полете, как последовательность отрывистых и тихих звуков; “сморцандо” — *smorzando*, постепенное ослабление и прекращение звука, как если бы завершенные песня и полет; “аморозо” — *amoroso*, изящная, нежная, немного замедленная мелодия. По мнению Бликера, песенка вальдшнепа начинается как *Adagio*, то есть произведение, отличающееся небыстрой, певучей мелодией, но заканчивается довольно резкими нотами, напоминающими по эту смех.

Название “Концерт природы”, отразившее внимание поэта к музыке, в частности, к музыке природы, оказалось пророческим. Музыка сыграла огромную роль в судьбе “Перелетных птиц” как поэтического цикла, в существовании его как целостного произведения, в формировании новых стихотворных циклов на его основе.

Летом 1837 года Бликер заболел, и болезнь, начавшаяся, как “довольно легкая ревматическая лихорадка” [1, р. I], через некоторое время усилилась так, что “врач, в иных случаях способный и отважный человек, оставил надежду [на его выздоровление] и покинул” [1, р. I] своего пациента. И родственники, и сам поэт ожидали скорого конца, но, к счастью, один из сыновей Бликера, живший в Копенгагене и вызванный семьей к постели умирающего отца, привез с собой врача по

имени Мюллер, “молодого чудотворца” [1, р. II], как называет его сам поэт. Меры, принятые молодым и решительным врачом, оказались эффективными, однако больной поправлялся медленно и не сразу вернулся к литературным трудам. Свой знаменитый цикл “Перелетные птицы” он начал писать, вероятно, в первые месяцы 1838 г., когда “у него доставало сил только на то, чтобы перебраться с постели на стул у окна” [1, р. VII].

Если говорить об оппозиции “фрагмент-цикл”, в случае “Перелетных птиц” она существовала с самого начала. В печати появились сначала фрагменты, а затем и весь цикл.

В “Газете Рандерса” за 19 апреля 1838 г. как фрагмент будущего цикла, его “сигнальный отклик” [1, р. 444], была опубликована “Прелюдия”. До конца апреля этого же года она была перепечатана в двух газетах: “День” (24.04.1838, Копенгаген), и “Ведомости Орхусской диоцезы” (26.04.1838, Орхус), то есть в столице королевства и в одном из крупнейших городов Ютландии, университетском центре [2, р. 83]. Объявление о том, что вскоре по подписке будет издан цикл стихотворений Бликера “Перелетные птицы”, появилось в газете “Почта Ютландии” за 27 августа этого же года [4, р. VIII]. Это первая в истории цикла попытка истолкования замысла поэта и оценка его словесного воплощения: “прелестный Концерт природы, который своими глубокими, трогательными и берущими за душу звуками так выразительно изъясняет дух и ход мыслей, волновавших прошлой суровой зимой этот истинный природный гений, это горячее сердце поэта, в то время как смерть стучалась в его окно и Парка пряла нить его жизни настолько тонко, что наш поэт сомневался в том, что он долго проживет на этой земле” [1, р. 444]. В дальнейшем исследователи не раз попытаются воссоздать “дух и ход мыслей” Бликера, отразившиеся в цикле “Перелетные птицы”.

Каково было первоначальное расположение стихотворений в цикле и когда именно Бликер начал работу над ним, точно неизвестно. “Прелюдия”, опубликованная в апреле 1838 г., по своему строению может быть отнесена к 1837 г., тогда как “Увертюра”, в которой упоминается праздник Сретения, то есть 2-е (в православной традиции 15-е) февраля, приходится на период выздоровления поэта. “Ржанка” и “Лебедь”, первое и последнее “птичьи” стихотворения цикла, были посланы Бликером другу, шведу Экборну, 1 мая 1838 г. [4, р. IX–X], а “Щегол”, сопровождавшийся подзаголовком “Из обещанного собрания стихотворений Ст. Ст. Бликера”, увидел свет в журнале “Вклад в историю

[нашего] времени”, издававшийся С. Хемпелем, 23 мая 1838 г. [4, р. X]. В том порядке, который воспроизводится во всех полных изданиях “Перелетных птиц”, цикл вышел в августе 1838 г. в Рандерсе, в издательстве Смита.

Как всякое незаурядное произведение, бликеры “Перелетные птицы” оцениваются исследователями неоднозначно, но исследователи творчества поэта сходятся в одном: в “Перелетных птицах” отразилась жизнь Бликера, его личный опыт, чувства и переживания. По мнению К. Думрайхера, “от *Прелюдии* до *Песни лебедя* мы встречаемся с ним самим, с его слезами и его улыбкой” [1, р. XVI–XVII]. “Он оглядывается на свою жизнь, — пишет Г. Кристенсен, — на наивное счастье невинного детства, которое он бы охотно вернул, отдав за него лишенную иллюзий умудренность зрелого возраста, на золотые мечты юности, закончившиеся разочарованиями” [4, р. X].

Еще одна особенность цикла вольно или невольно отмечается, хотя и не выделяется в качестве признака, всеми исследователями. Это уже упоминавшаяся изначальная способность “Перелетных птиц” образовывать новые циклы, распадаться на фрагменты при ощущении его единства — “от *Прелюдии* до *Песни лебедя*” [1, р. XVI–XVII].

Г. Кристенсен выделяет четыре группы стихотворений, каждая из которых раскрывает какую-либо одну тему. По его мнению, “Чиж”, “Черный дрозд” и “Дрозд” являются очень красивыми образами той жажды странствий и тоски по миру вне его замкнутого мирка, которые были присущи Бликеру в течение всей его жизни» [4, р. XII]. Чиж, “шведская птица” [5, р. 21], напоминает поэту о недавнем путешествии в Швецию (1836) и вызывает воспоминания об увиденном: “Я никогда не смог бы этого забыть: / Гордые реки! Смирные родники! / Оживленная долина! Серьезный холм! / И народ, который живет в прелестных долинах! / Столь достойный делами, столь прекрасный речами! / И женщины славны большим, чем волосами, / Они дочери богинь старых времен” (“Чиж”) [5, р. 21–22]. Эта страна — “прекрасный, благословенный дом” чижа, и поэт, увидев эту птицу, не может не вспомнить Швецию и обращает к ней взгляд “со слезами на глазах и вздохом в груди” [5, р. 22].

Стихотворение “Чиж” посвящено тому, что Бликер видел своими глазами, его можно назвать разговором поэта с самим собой. Даже речь Чижа, обращенная к Швеции, представляет собой признание поэта, которое он просит птицу передать

своим шведским друзьям. Таков же и “Черный дрозд”, который написан в виде вопросов Бликера к птице и ответа поэта самому себе. Как и чиж, черный дрозд лишь прилетает в Данию, его родина — гораздо более суровая Норвегия, поэтому среди вопросов Бликера есть и такие: “Правда ли это: летишь ли ты к холодным норвежским / Вершинам? / Что же все лето может удержать / Тебя там наверху? / Разве не красивее здесь внизу / Мои буки? / Зачем же среди елей там искать / Свое гнездо?” (“Черный дрозд”) [5, р. 40]. Однако сам поэт прекрасно понимает, почему черный дрозд возвращается в норвежские горы, к мрачным елям из датских светлых буковых лесов: “У родины, я знаю, есть узы, / Которые мягки для ношения” [5, р. 40]. Каким бы мог быть ответ черного дрозда, если бы тот мог говорить? “Мягки для ношения; да! но их трудно порвать, / Тяжело сбросить, / Легко носить. Сердечная тоска велит / Торопиться туда. / Бук слышал твои первые песни, / Твои вздохи; / Ель на холодных горных лугах / Носила мою колыбель” (“Черный дрозд”) [5, р. 40–41]. Так мысли о Норвегии, которые приходят поэту на ум при виде черного дрозда, возвращают поэта к размышлениям о его духовной связи с его собственной родиной — Данией.

В стихотворении “Дрозд” поэт также говорит о Норвегии, о красоте ее пейзажей, о ее истории, упоминая прежде всего “то место, где сидел Олаф / В то утро перед битвой, / когда скальд пел Бьяркемоль / и пробудил гром битвы” [5, р. 43]. Здесь имеются в виду Олаф Святой, король, при котором Норвегия приняла христианство, и скальд Тормод. Накануне битвы при Стиклестаде, в которой Олаф погиб, сражаясь с язычниками, он приказал Тормоду спеть перед его малочисленной дружиной песню о подвигах викинга Рольфа Краке, чтобы поднять боевой дух воинов. В этом стихотворении Бликер не столько испытывает желание путешествовать, сколько размышляет о военной истории Норвегии и о ее союзнической верности. В контексте этих исторических аллюзий особенно прочувствованно звучат заключительные строки стихотворения: “Прощай, мой норвежский друг! лети туда / На своих легких крыльях! Но если у моей арфы есть там друг, / Отнеси ему мой привет” [5, р. 44].

Как кажется, эти три стихотворения (“Чиж”, “Черный дрозд”, “Дрозд”) объединены общей идеей, но не идеей странствий и интереса к миру за пределами Дании. Внимательное чтение текстов показывает, что каждое из стихотворений соотносено с одной из трех скандинавских стран — Швецией, Данией, Норвегией. К созданию этих стихотворений Бликера могла побудить мысль

о проекте, задуманном им вместе с его шведским другом К. Экборном, которому, как уже говорилось выше, поэт посылал стихотворения из цикла “Перелетные птицы” до его опубликования. Друзья собирались издавать ежегодник под названием “Поэтический календарь [Скандинавского] союза”, в котором бы “скальды трех братских стран встречались, чтобы в песне разъяснять свои чувства и гармоничное настроение, которое ныне царит между близкородственными нациями” [7, р. 193]. К сожалению, проект не был осуществлен, но теплые воспоминания о друзьях, принадлежавших к “близкородственным нациям”, нашли свое отражение в поэзии.

Г. Кристенсен выделяет еще одну группу стихотворений внутри цикла “Перелетные птицы” — “Ушастая сова”, “Цапля” и “Морская ласточка”, которые “указывают на исторические предания и легенды, которые Бликер слушал ребенком” [4, р. XII]. Необходимо уточнить, что все упомянутые предания и легенды связаны со Срединной Ютландией, областью, где поэт родился, а позже служил на приходе в Спентрупе, недалеко от г. Орхус. Так, в стихотворении “Ушастая сова” упоминаются “руины замка Бугге” [1, р. 23], находящиеся недалеко от г. Виборг в Срединной Ютландии, — и в духе Оссиана, которого любил Бликер, рассказывается история мятежного Нильса Бугге, одного из богатейших датчан Средневековья. Скандерборг, с которым связаны исторические события, упоминающиеся в стихотворении “Цапля”, находится в 25 километрах к юго-западу от Орхуса. В королевском замке Скандерборг вдовствующая королева Агнес жила со своими детьми после смерти своего мужа, короля Эрика Глиппинга (ум. 1286). Упоминается в стихотворении и Кристиан IV (1577–1648), король-реформатор, “король-штурман” [5, р. 73], как его называет Бликер. Кристиан IV был известен тем, что при нем весьма возросла численность датских военных и торговых кораблей, которые строились в частности и по его чертежам [4, р. 77]. Стихотворение “Морская ласточка” рассказывает о том, как ребенком поэт слушал легенду о любви Хагбарда и Сигне от старого пастуха, певшего Сигневису [1, р. 77]. Вариант легенды, услышанный поэтом в детстве, также связан со Срединной Ютландией, с городом Рандерс [4, р. 77], где поэт жил с семьей и где был впервые напечатан поэтический цикл “Перелетные птицы”.

Как считает Г. Кристенсен, “«Чибис» и «Кулик турухтан» отражают точку зрения Бликера на его критиков» [4, р. XIV]. Здесь снова необходимо уточнение: в обоих стихотворениях затрагивается более чем одна тема, поэтому можно

утверждать, что лишь отчасти эти стихотворения посвящены критикам поэта. Критик, олицетворением которого служит чиби́с, ведет всего лишь “мелкую войну”, которая заканчивается “без потери” и без “малейшей царапины”, поэтому чиби́са поэт называет “незначительным критиком, придирающимся к мелочам” [1, р. 26]. Напротив, противостояние писателей и критиков в стихотворении “Кулик турухтан” сравнивается со средневековым рыцарским турниром [1, р. 57], но с той немаловажной разницей, что оружие рыцаря и клюв кулика, “все то вооружение, которое мы у них видим, / никогда не отравлено” [1, р. 57], а “рецензенты” [1, р. 56] воюют с писателями посредством перьев, отравленных ядом несправедливой критики.

Последней группой стихотворений, которые выделяет внутри цикла Г. Кристенсен, являются “Жаворонок”, “Скворец” и “Выпь”: “Жаворонок, Скворец и Выпь — поэты, каждый на свой лад” [4, р. XIV]. Для поэта-жаворонка вся жизнь — песня: “С песней ты погружаешься в спокойную дрему, / Около полуночи поешь равно неустомимо. / Ты поешь, когда ты прилетаешь, когда ты улетаешь; / И правильно! Почему бы не [петь] осенью, как и весной? / Когда пробьет час странствия, / В своем прощальном слове ты призываешь летнюю жизнь, / Ты столь же естественно выводешь прощальную трель” (“Жаворонок”) [1, р. 20].

Поэт-скворец несамостоятелен в своем творчестве, он “стучит клювом, как аист, и щебечет, как ласточка, / насвистывает, как дрозд и как соловей”. Среди поэтов скворец, по мнению Бликера, занимает самое последнее место, он “среди художников <...> только лишь хвост”. Тем не менее, и скворец как поэт может быть ценен: “Ты пробуждаешь нежные воспоминания, / Радует мое сердце весенними мечтами. / А ведь мечты, как знает каждый, / Часто прекраснее, чем действительность” (“Скворец”) [1, р. 27–28].

Настоящему поэту-жаворонку и жизнерадостному подражателю-скворцу противопоставляется выпь — поэт, пишущий исключительно печальные элегии (“Выпь”). Однако и такой поэт имеет право на существование: “Почему нельзя выразить вздохами / Свое счастье?” [1, р. 53].

Первое стихотворение цикла, “Прелюдия”, начало свое существование как фрагмент, и в его судьбе огромную роль сыграла музыка. Как уже говорилось выше, “Прелюдия” была напечатана в качестве “предвестника” нового произведения Бликера в “Газете Рандерса”, а когда “Перелетные птицы” были опубликованы целиком, к книжке стихов за отдельную плату прилагался листок

с нотами. Это была первая мелодия к “Прелюдии”, написанная органистом Фёрсомом из Оденсе [4, р. X]. С тех пор на этот текст Бликера было написано еще девять мелодий, авторами которых являются Ларс Нильсен (1843–1895), Томас Лауб (1852–1927) [8], его ученик Поуль Ширбек (1888–1949) [9], Грете Сауэр [10] и Джонни Удсен [11] (работали на рубеже XIX–XX вв.), Олуф Ринг (1884–1946), современные композиторы Хенриетте Клеменс, Пер Нёргорд (род. 1932) и Йеспер Лунд Якобсен (род. 1973).

Исследователи высказывают прямо противоположные мнения о содержании “Прелюдии”. Как считает И. Нёрвиг, «“Прелюдия” это взгляд назад, на жизнь Бликера» [6, р. 446], а по мнению К. Сёренсена, «“Прелюдия” не настолько личностна» [7, р. 198]. Как это ни забавно, оба они правы.

Стихотворение построено на двух контекстных метафорах: с одной стороны, это птица в клетке, причем птица певчая, вольная, жаворонок, который в понимании Бликера является истинным поэтом (“Жаворонок”) [5, р. 20]; с другой — жизнь птицы в клетке или на воле понимается как странствие в христианском смысле этого слова. Сравнение прозрачно: как жаворонок птица перелетная, так и человек, христианин, лишь странник на земле: “Приближается время, когда мне должно уйти! / Я слышу голос зимы. / Ибо я тоже здесь только по пути, / И у меня дом в другом месте. / Я давно знал, что я должен уйти отсюда, / Это не омрачает сердца, / И потому, всегда веселый, время от времени / Я пою по дороге” (“Прелюдия”) [5, р. 7].

Узник-жаворонок говорит о себе: “мне пришлось увидеть темные дни, / И буря рвала мои перья” [5, р. 7], “я прочно сижу в своей тесной клетке, / Которая стесняет меня со всех сторон” [5, р. 8], “мне приходится за пищу и кров / Быть бедным узником, скованным золотыми цепями” [5, р. 8]. То же может сказать о себе и поэт, а с ним и его читатель.

Последние строфы “Прелюдии” проникнуты ожиданием скорой смерти “пожизненно заключенного” [5, р. 8]. Стихотворение заканчивается следующей строфой: «У меня есть предчувствие, что в сумерках / Я умру у решетки; / Ибо я прочитаю нежное “прощай”, / Быть может, оно будет последним» [5, р. 8].

“Прелюдия” как фрагмент цикла подверглась дальнейшей фрагментации. В 1992 г. Пер Нёргорд (род. 1932), крупнейшая фигура датской музыки после Карла Нильсена, создал произведение, названное им “Ноябрьской Прелюдией” [12], вероятно, по времени ее написания (11 ноября 1992 г.).

В этом произведении “для голоса, кларнета, скрипки, виолончели и чембало” [12] использована мелодия Олуфа Ринга. Стихотворение Бликера сокращено, за первыми четырьмя строфами, в которых выражается, с одной стороны, идея жизни как странствия в ожидании нездешнего дома, с другой, мысль о том, что поэт несвободен, сидя “в своей тесной клетке” [5, р. 8], сразу следует шестая строфа, завершающая новоорганизованный текст: “Все же часто, чтобы получить немного утешения, / Я выглядываю из своей темницы, / И посылаю изредка свой унылый голос / С тоской сквозь решетку” [5, р. 8].

Во фрагменте “Прелюдии”, созданном Пером Нёргордом, опущена пятая строфа и, таким образом, отсутствуют указания на материальные признаки несвободы художника. Бликер, пусть и метафорически, говорит о том, что бедность, необходимость работать “за пищу и кров” — делает его “бедным узником, скованным золотыми цепями” [5, р. 8]. Нёргорд, оставляя лишь четвертую строфу, где говорится о “тесной клетке”, из которой не может вырваться жаворонок, переносит акцент с материальных трудностей на несвободу иного рода, может быть, творческую или даже некие проблемы со здоровьем (в момент написания “Ноябрьской прелюдии” композитору было шестьдесят лет). Из трех заключительных строф первоначального стихотворения, в которых говорится о печальном настоящем (шестая строфа) и неминуемой смерти в скором будущем (седьмая и восьмая строфы), оставлена лишь шестая строфа. Таким образом, действие в стихотворении остается в плане настоящего и, несмотря на общий печальный смысл этой строфы, становится более жизнеутрачающим: узник “тесной клетки” находит “утешение” в песне.

Хотя, по мнению К. Сёренсена, это стихотворение «отмечено несколько механическим и несамостоятельным религиозным восприятием земной жизни как темницы и “ожидания истинной жизни”» [7, р. 198], оно стало одним из наиболее известных стихотворений Бликера вообще, а сочетание музыки и слова сделало “Прелюдию” самым часто воспроизводимым стихотворением из цикла “Перелетные птицы”. Как писал Г. Кристенсен, «это стихотворение не может не волновать каждого датского читателя, прямо со своей первой строки, в которой появляется то самое суровое “прочь”, которое произнес Бликер, когда сын хотел привезти к нему врача» [4, р. XI]. Это наблюдение совершенно точно и справедливо. “Прелюдия”, чаще всего с мелодией Олуфа Ринга, написанной в 1922 г., а до этого времени положенная на музыку Ларсом Нильсеном, входила

в многочисленные песенники. “Прелюдию” пели школьники [2, р. 266, 293, 296, 306, 314, 352] и крестьяне [2, р. 276], рабочие [2, р. 322] и члены общества трезвости [2, р. 322], любители пеших прогулок [2, р. 391] и одинокие старики [2, р. 406]. Ее рекомендовали для исполнения на собраниях молодежных объединений [2, р. 267, 306] и дома [2, р. 267, 301], в летних лагерях [2, р. 297], в садоводческих хозяйствах [2, р. 320], перевели на эсперанто [2, р. 424]. “Прелюдия” стала символом принадлежности к датской культуре, сохранения своей национальной идентичности: она была включена в песенник, изданный специально для датских эмигрантов в Америке [2, р. 281]. Она входила во все англоязычные издания датской поэзии и поэтому оказалась единственным фрагментом “Перелетных птиц”, переведенным на английский язык [2, р. 373].

Судьба “Увертюры” во многом сходна с судьбой “Прелюдии”, но если на слова “Прелюдии” было написано девять мелодий, то второе стихотворение цикла прочно связывается с мелодией, сочиненной в 1914 г. известным датским композитором и органистом Томасом Лаубом, хотя на это же стихотворение Бликера написал музыку и композитор Людольф Нильсен (1876–1939) [14, р. 14]. Как писал Г. Кристенсен, “Увертюра” — это “монолог старика с самим собой, в то время как он нетерпеливо ожидает юго-западного ветра, который один может расковать скованную [стужей] землю. Эта интонация была гениально схвачена Лаубом в его музыке к этому стихотворению” [4, р. XI]. Удачное сочетание музыки и слова, как и в случае с “Прелюдией”, сделало “Увертюру” популярным произведением для хорового и сольного пения с той только разницей, что она считается детской песней, в которой описывается зимний пейзаж, увиденный “глазами ребенка” [6, р. 447].

По справедливому наблюдению Г. Кристенсена, “Увертюра” является “одним из самых крепко сбитых стихотворений цикла ... каждая из [строф] содержит чрезвычайно живую и красочную картину” [4, р. XI]. Три первые строфы начинаются с кратких предложений, описывающих холодный и безрадостный зимний день: “Сейчас бело на улице... Сейчас тихо на улице... Сейчас холодно на улице” [5, р. 13–14]. Кажется, что весь мир засыпан снегом, и в природе не осталось никакого цвета, кроме мертвенно-белого: “Бело внизу, бело вверх, / Густо напудрены деревья в лесу, / Как и в моем фруктовом саду” [5, р. 13]. Вторая строфа посвящена тишине: “Нет ни одной птицы, которая бы пела” [5, р. 14]. Зимнее безмолвие и покой нарушают птицы, которых нельзя отнести к певчим: “Вороны резко каркают, совы ухают.../

Ворона с сорокой расхаживают/ Важно по коньку крыши сарая” [5, р. 14].

Четвертая строфа является кульминацией стихотворения. Петух, взлетевший на голову снеговика, нарушает статичность описания и становится предвестником того, что власть зимы не вечна: “Петух взлетает / На снеговика; крыльями / Он громко хлопает. / Он изгибает шею и кукарекает — Чего бы он хотел, этот хвостун? / Хотя бы он предсказал оттепель!” [5, р. 14]. Появление такого неожиданного вестника весны, а для Бликера-священника еще и христианского символа Воскресения, кладет предел пассивному наблюдению застывшей зимней природы, побуждает поэта очнуться от внутреннего оцепенения и воскликнуть: “Прилетай, юго-западный ветер, подавляющий мороз! / Прилетай на своих туманных крыльях! / Прилетай и освободи скованную морозом землю!” [5, р. 15].

Приведем оценку четвертой строфы, данную К. Сёренсеном, как кажется, наиболее скептически настроенным исследователем творчества Бликера: “Именно петух приносит цвет, радостное возбуждение и энергию в белый мир зимы и смерти и, наперекор им, предсказывает оттепель... [он] символизирует жизнь в этом стихотворении. В этой строфе собраны весь оптимизм, вся воля к жизни, которую мог мобилизовать Бликер” [7, р. 200].

Несмотря на важность этой строфы для общего замысла поэта, именно с ней связана проблема дальнейшего фрагментирования “Увертюры” как фрагмента цикла: издатели часто удаляют четвертую строфу из текста стихотворения, особенно если речь идет о сборниках песен [15, р. 57], или помещают ее в комментарии [14, р. 14]. В тех случаях, когда издание имеет характер образца, как, например, “Песенник для старших классов Народной школы”, к 1993 г. переиздававшийся 17 раз, четвертая строфа сохраняется [13, р. 301]. Как объясняет К. Сёренсен, все дело в той цели, которую преследуют составители песенников. Весь корпус текстов в них располагается по темам, среди которых есть и “Времена года”. Четвертую строфу обычно убирают, если “редактор ищет только поэтического зимнего настроения, и потому он уничтожает ту строфу, которая была для Бликера самой важной” [7, р. 200].

Начало удалению четвертой строфы было положено в 1915 г., когда “Увертюра” была впервые издана и отдельно от цикла “Перелетные птицы”, и в урезанном виде. Она вошла в сборник “Двадцать датских стихотворений к собранию новых мелодий Карла Нильсена и Томаса Лауба”

[2, р. 296]. С 1915 г. “Увертюра” много раз включалась в сборники песен под красноречивыми названиями “Датский песенник” [2, р. 315], “Школьный песенник” [2, р. 320], “Песенник для школы и дома” [2, р. 326], “Дания поет” [2, р. 398], “Фамильное [то есть унаследованное от предков] серебро” [2, р. 424] и т.д. Реже ее публиковали в антологиях датской поэзии, например, в таких, как в дважды переиздававшемся сборнике “Жемчужины датской поэзии” [2, р. 389] или в книге «Датские лирические стихотворения. Лирическая антология издательства “Политикен”» [2, р. 403], рассчитанной на самого массового читателя. В 1949 г. “Увертюра” была издана отдельной книжечкой с иллюстрациями Генри Байлума [2, р. 403]. В 2006 г. это стихотворение Бликера, положенное на музыку Томасом Лаубом, было включено в “Канон культуры” Дании, то есть знание его стало обязательным для гражданина Дании любой национальности и вероисповедания.

Как уже говорилось выше, музыка сыграла большую роль в возникновении новых стихотворных циклов на основе бликерových “Перелетных птиц”. Самым ранним по времени является состоящий из пяти стихотворений цикл “Детские песни” “для голоса и фортепьяно” на музыку датского композитора Кристиана Гейслера (1869–1951), рукопись которого хранится в Королевской библиотеке Копенгагена [16]. Цикл, датирующийся февралем 1900 г., включает в себя стихотворения “Жаворонок”, “Чиж”, “Скворец”, “Аист” и “Чибис”.

Все эти стихи начинаются либо с обращения к птице, например: “Ты, который в одеянии Весны и Надежды / Преодолеет зимний путь, / Прими сердечный привет, мой шведский друг!” [5, р. 21] (“Чиж”), либо с восклицания, показывающего, что произносящий стихотворение видит и узнает птицу, о которой идет речь. Так, стихотворение “Аист” начинается строками “Боже мой! Самый старый друг дома!” [5, р. 29]. Первые строки стихотворения “Жаворонок” можно обыграть как небольшую сценку: “Это он сам! Добро пожаловать тысячу раз, / Мой любимец, ты, который над зимними нивами / смеешь пробуждать желание весны...” [5, р. 19]. Как кажется, выбор текстов Бликера для “Детских песен” определялся в большой степени возможностью соединить пение с танцем и актерской игрой. Так, например, исполнение песни “Аист” может быть поставлено как диалог маленьких актеров, один из которых наряжен птицей, которая перед началом собственно пения ходит по сцене, погруженная “в глубокие мысли” [5, р. 29] (“Аист”). Еще более выразительным может стать танец чибиса: “Чибис!

Маленькая дерзкая птица / Делает вокруг меня на болоте столько кругов, / Резвится весело в воздушном танце, / Обороняет болото, как если бы оно принадлежало ему. / Ругает и бранит всякую птицу, / Даже перед орлом не прячется в укрытии, / Если бы у него была такая же власть, какова его воля, / Он бы единолично властвовал над зеленой равниной” (“Чибис”) [5, р. 29]. Кроме того, пять птиц, стихотворения о которых были выбраны К. Гейслером, для его цикла, являются, пожалуй, самыми распространенными в Дании. Со знакомства с ними ребенок начинает узнавать мир родной природы.

Следующий по времени создания музыкальный цикл был написан композитором Эйнарсом Якобсеном (1897–1970). К сожалению, он не датирован. Исходя из того, что Якобсен начал писать песни в возрасте 21 года, остается лишь предположить, что цикл, рукопись которого хранится в Королевской Библиотеке Копенгагена [16], был создан после 1918 г., то есть, по крайней мере, после окончания Первой Мировой войны.

В цикл, написанный Якобсеном, входят песни на четыре стихотворения из “Перелетных птиц” – “Черный дрозд”, “Королек”, “Коноплянка” и “Выпь”.

Стихотворение “Черный дрозд” уже упоминалось выше в связи с одним из подциклов, которые выделил внутри “Перелетных птиц” Г. Кристенсен. В контексте выделенного им подцикла “Черный дрозд” посвящен размышлениям о том, что такое любовь к родине, неразрывная связь с ней, заставляющая и птицу, и человека возвращаться домой, что бы их там ни ожидало. В цикле Якобсена это стихотворение стоит первым и, следовательно, является его отправной точкой.

Стихотворение “Королек”, как и предыдущее – “Черный дрозд”, начинается серией вопросов поэта к птице. Основная тема этих вопросов – родина королька, место, где находят его “жилые и дом”, его близкие: “дети и жена”, “родные и друзья” [5, р. 51], иными словами, то, что для каждого отдельного человека входит в понятие “малой родины”. И человек, и птица стремятся в свой дом, даже если жизнь там не безоблачна, недаром поэт задает корольку вопрос об “обманутой любви” [5, р. 52]. В ответ корольек рассуждает о том, что ценно не для него самого, а для его собеседника, в котором он видит “земного монарха” [5, р. 52], свысока поглядывающего на маленькую птичку. Если принять во внимание то, что поэт в речи, написанной им для королька, отрицает все то, чем живет “земной монарх”, окажется, что важны не “блеск и движение”, не “прекрасные

мечты о власти и господстве”, не борьба “за черепки” [5, р. 52]. Тем, для кого именно в этом состоит “истинное блаженство”, корольек ни в коем случае не завидует, ибо даже для “раба власти и золота” – конец таков же, как и для любого смертного человека: “всего лишь земляное ложе” [5, р. 52], то есть могила.

Что же должно быть истинной ценностью для человека? Ответы на этот вопрос дают остальные стихотворения, выбранные Эйнарсом Якобсеном для своего цикла. В “Коноплянке” затрагивается любовная тема. На фоне леса, идеального пейзажа для Бликера-охотника, “...влюбленные гуляют рука об руку / <...> / под зелеными лиственными сводами; / И сладко вздыхается грудь влюбленного / От столь прекрасных грез надежды” [5, р. 66]. Чувства, по мнению поэта, свойственны и птицам, коноплянкам, но те более бесстрашны в своих привязанностях, чем люди, не знают сомнений, им свойственна “любовь, которая не увидит смерти, / Не будешь каяться, что испытал ее” [5, р. 66]. Песня коноплянки, символ верной и преданной земной любви, для поэта становится предвестницей “иной великой гармоничной Музыки / и без резких звуков”, “когда земля и небо, соединившись, / Запевают вечное *Majore*” [5, р. 66]. Любовь земная, несомненная ценность для поэта, а с ним и для композитора, является отражением Небесной Любви.

Последним стихотворением из “Перелетных птиц”, музыку к которому написал Якобсен, является “Выпь”. По Г. Кристенсену, это стихотворение входит в выделенный им подцикл о поэтах, но текст Бликера гораздо более многомерен. В контексте музыкального цикла Якобсена в этом стихотворении на первый план выходит мысль о том, что люди часто неправильно понимают смысл истинного блаженства: “Пока / Блаженства по всей земле / Вы ищете, люди; / чаще всего вы находите его мало; / Не один [из вас] ищет, / пока не переселится / Домой” [5, р. 54]. Как и “земной монарх” из стихотворения “Королек”, человек, к которому обращается выпь, “гордец”, он ищет блаженства не там, где нужно, его ценности ложны, и выпь не испытывает к нему зависти, считая его богатство “мякиной”, чем-то пустым: “Никакой твоей золотой мякины / Я не жажду” [5, р. 54]. Последняя строфа стихотворения в определенном смысле становится итогом всего цикла: “Лети / С легионом своих желаний! Ползи / Тягостно к вершине славы и лги себе, что ты блажен! / В своем укромном уголке я никоим образом не буду тебе / Завидовать” (“Выпь”) [5, р. 54].

По отношению ко всему циклу стихотворений Бликера цикл, скомпонованный Якобсеном, выглядит совершенно самостоятельным произведением, которое объединяют тема земной любви к родине, к семье и в то же время любви к Небесному Отечеству, с одной стороны, и неприятие стремления к власти, к “золотой мякине”, к земной преходящей славе. Упоминание о борьбе “за черепки”, за “господство” позволяет предположить, что цикл Якобсена, видевшего на своем веку две мировые войны, пережившего оккупацию Дании, мог быть написан как реакция на одну из них.

Последний по времени музыкальный цикл на стихотворения из “Перелетных птиц” был представлен публике в 2004 г. на CD-диске. Автором музыки был молодой датский композитор Йеспер Лунд Якобсен (род. 1973). Для цикла было отобрано пятнадцать стихотворений, тексты которых не сокращались. Музыкальный цикл включает в себя “Прелюдию” и “Увертюру”, причем “Увертюра” по традиции сопровождается музыкой Томаса Лауба, пусть и в аранжировке Йеспера Лунда Якобсена. К “Черному дрозду” музыку написала Линне Кирк Сундстрём.

История создания этого цикла рассказана самим Йеспером Лундом Якобсеном в небольшой заметке “Музыкальные произведения” [18, р. 8–9], включенной в брошюру-приложение к CD-диску. Одновременно это и история духовного роста композитора, осознание им того, что мир многомерен и человеческая жизнь не кончается со смертью. Композитор рассказывает, что от восприятия Бликера как “мрачного и угрюмого старика, который лег в постель, чтобы умереть”, сформированного у современных людей “в соответствии с фоновым знанием, [полученным] из литературоведческих статей”, он постепенно перешел к осознанию, что поэт “совершенно не был мрачным”, и, “освободившись от традиционного взгляда на ... всенародно любимого поэта, ... осознал смысл веры; как ценно, когда у человека есть вера” [18, р. 8]. Как кажется, Бликер-священник был бы приятно удивлен и доволен таким неожиданным результатом чтения своих светских стихов.

Для Йеспера Лунда Якобсена “время человеческой жизни на Земле [стало] парентезой” [18, р. 8], иными словами, вставной историей в ткани освященной свыше истории человечества, и такой взгляд, возможно, определил выбор стихотворений для музыкального цикла. Перед слушателями проходит вереница птиц, “страдающих от тщеславия и закабаленности, присущих

человеку” [18, р. 9], мир людей в птичьем обличье. Здесь и поэт Жаворонок, и любящий свою родину Чиж, и негодный разбойник Коршун. Застенчивый Лесной Голубь столь же любит свою голубку, сколь Щегол и Выпь — свободу поэтического творчества. Так же и Сокол предпочитает быть “бедным, но свободным” [5, р. 49]. В отличие от Лесного Голубя Перепел не сдерживает своей страсти, а Королек рассуждает о столь же пылкой любви не к семье и близким, а к власти и золоту, предпочитая, как и Сокол, свободу и независимость от столь низменных желаний. Цапля и Черный Дрозд говорят о любви к родине, необходимости помнить ее историю, гордиться ею. Напротив, пессимист Аист и беспринципная Кукушка не могут сказать ничего хорошего о современном им обществе. Казалось бы, цикл Йеспера Лунда Якобсена завершается на безрадостной ноте: циничная Кукушка советует Кукушонку пробиваться к жизненным благам любыми средствами, не обращая внимания на слезы и страдания окружающих, не тратя силы на помощь им, однако, как и “земного монарха” [5, р. 52] из стихотворения “Королек”, Кукушку ждет совершенно предсказуемый конец: «... все кончается на Ниве Жизни, / И вздох. / В конце концов, ты в последний раз прокукуешь / Свое “Ку-ку!” / <...> / Скоро без “Ку-ку!” ты будешь спать в могиле» [5, р. 52]. Как и предыдущий музыкальный цикл, “Перелетные птицы” Йеспера Лунда Якобсена заканчиваются философским обобщением, но при этом композитор не воспользовался каким-либо из стихотворений Бликера, например, “Коноплянкой”, поэтому цикл производит впечатление разомкнутого, незавершенного произведения. Эта незавершенность объясняется замыслом композитора, изложенным в уже упоминавшейся заметке “Музыкальные произведения”, так как главная идея цикла — описание человеческих судеб в бесконечном потоке истории человечества. В этой же заметке обнаруживаем и необходимое завершение всего произведения, оставляющее, впрочем, возможность добавлять в него новые элементы: “пусть человек будет свободным!” [18, р. 9].

Популярность “Перелетных птиц” у датской читающей публики была столь велика, что этот цикл издавали не только полностью — отдельными книгами или в составе собрания сочинений Бликера, но охотно включали отдельные стихотворения и группы стихов в поэтические антологии и сборники. Задолго до того времени, когда возникла идея создания “Канона культуры” Дании, произведения Бликера, в частности стихотворения из цикла “Перелетные птицы”, входили в школьную программу и, таким образом,

становились неотъемлемой частью культурного багажа каждого гражданина Датского Королевства. Так, в 1912 г. в Копенгагене была издана книга “Избранные псалмы, песни и стихи для использования в школе” [2, р. 293]. В нее включены два стихотворения из бликерова цикла, причем они стоят не рядом друг с другом, следовательно, воспринимаются, как отдельные стихотворения, как фрагменты цикла. Под № 329 находим “Прелюдию”. Довольно далеко от нее, под № 356, стоит “Ласточка” (*Svalen*). В этом стихотворении время замкнуто в кольцо: читатель узнает, что с появлением ласточки “итак, у нас лето!” [5, р. 68], то есть весна закончилась; затем приходит очередь “конца лета” [5, р. 68]; осенью ласточка “предвещает зиму”, и снова среди “морозов и снега”, “порывов ветра и бури” — нужно ждать “весны” [5, р. 69]. Жизнь птицы описывается в течение всего года. Вот как узнаваемо изображается полет ласточки: “Всегда занята! Внутрь и наружу! / Вниз и вверх! Туда и сюда, как ветер!” [5, р. 68]. Главное для ласточки — ее птенцы, только когда они подрастут, у ласточки появляется немного времени для “короткого щебетания” [5, р. 68]. Бликеру и его читателям известно, что зимой ласточки улетают туда, где есть “другое лето” [5, р. 69], однако поэт вспоминает и датское народное предание о том, что ласточка спит всю зиму и просыпается с наступлением весны: “Или ты впадаешь в мертвый сон зимой, / Чтобы снова с весной проснуться?” [5, р. 69]. Все внимание поэта сосредоточено на лишь одной ласточке, другие птицы не упоминаются. Ласточка воспринимается как типичная датская птица, а стихотворение о ней — как отдельное законченное произведение.

Следующим сборником, куда были включены отдельные стихотворения из цикла “Перелетные птицы”, была “Арфа Стена Бликера. Избранное” [2, р. 297], издававшаяся дважды — в 1916 и 1927 гг. В эту книгу были включены стихотворения “Черный дрозд”, “Лесной голубь” и “Кулик песочник”, идущие подряд, и отдельно от них “Прелюдия”. Три стихотворения, изданные группой, можно охарактеризовать как философские. Как уже неоднократно упоминалось, в “Черном дрозде” поэт раздумывает о любви к родине. Лесной голубь становится символом “верной любви среди домашнего покоя” [5, р. 69]. Заключительные строки “Кулика песочника”, как и в музыкальном цикле Эйнара Якобсена, несут в себе утешение читателю: в жизни есть место всему — и любви к родине, и семейному счастью, и любовному разочарованию, судьба “лишь в том находит удовольствие, что ей также приходится терпеть” [5, р. 59]. Из трех стихотворений выстраивается некое

единство, следовательно, складывается новый цикл со своей объединяющей идеей.

Составители антологии “Избранные стихотворения” [2, р. 301], изданной в Копенгагене в 1925 г., как кажется, хотели представить своим читателям лучшие стихи из цикла “Перелетные птицы”, которые могли бы дать наиболее полное впечатление об этом произведении Бликера. Собственно говоря, они хотели представить именно цикл, поэтому закономерно, что выборка из “Перелетных птиц” начинается “Прелюдией” и “Увертюрой” и заканчивается “Лебедем”. Однако расположение стихотворений внутри цикла изменено. Внутри традиционного обрамления стихотворения подобраны парами: истинный поэт Жаворонок (“Жаворонок”) и поэт-подражатель Скворец (“Скворец”), эгоистичная Кукушка, не создающая семью (“Кукушка”), и ласточка, весь смысл жизни которой заключен в ее птенцах (“Ласточка”). Весьма интересна пара стихотворений, не часто выбираемых составителями, — “Бекас” и “Ушастая сова”. Как уже говорилось выше, стихотворение “Ушастая сова” входило в подцикл, посвященный истории и преданиям Дании, который, по мнению Г. Кристенсена, легко выделяется внутри первоначального, полного цикла “Перелетные птицы”. Однако пара “Бекас” — “Ушастая сова” позволяет выделить в этих стихотворениях иную объединяющую идею. В обоих стихотворениях речь идет об охоте с той разницей, что в “Бекасе” изображается охота на бекаса, какой ее знал сам Бликер, а в “Ушастой сове” идет речь о мифологической Дикой Охоте, о призрачных всадниках со сворой собак, во главе которых, по датским преданиям, едет король Вальдемар Аттердаг. Слава охотника на бекасов коротка, о нем говорят, пока продолжается сезон охоты. Слава участников Дикой Охоты вечна. Стихотворение “Аист” не имеет пары, но оно диалогично само по себе и представляет собой спор поэта и аиста, в котором поэт одобрительно отзываясь о современном ему датском обществе, а аист выискивает в нем всевозможные недостатки. Можно сказать, что составители, выбирая самое, по их мнению, интересное из “Перелетных птиц”, волей-неволей создали новый цикл.

Книга с невинным названием “Птицы в датской поэзии” [2, р. 357] была издана в 1944 г., когда до конца оккупации Дании немецкими фашистами (1940–1945) оставалось около года. В нее были включены всего два стихотворения из бликерова цикла, причем они расположены в книге не подряд: “Увертюра”, предвещающая среди мертвящего февральского холода неминуемый приход весны, и “Черный дрозд”, говорящий о любви

к родине. Имея представление о датском национальном характере, можно смело утверждать, что такой выбор стихотворений был совершенно неслучаен.

Самая большая подборка из цикла “Перелетные птицы” была включена в сборник “Избранные стихотворения” [2, р. 394], изданный в 1951 г. в Копенгагене. Из тридцати трех стихотворений цикла было выбрано двадцать два. Как и в сборнике 1925 г., составители хотели как можно более полно представить “Перелетные птицы” как цикл, задуманный Бликером, поэтому подборку начинают “Прелюдия” и “Увертюра”, а завершает “Лебедь”. Соседство произведений внутри самой подборки подчеркивает упоминавшуюся выше способность бликеров цикла образовывать в своих границах подциклы, объединенные какой-либо идеей, поскольку девятнадцать стихотворений, привлечших внимание составителей, объединены тематически в небольшие группы по три-четыре стихотворения.

В первую группу входят “Чибис”, “Коршун” и “Бекас”. Если в первом из трех стихотворений поэт оказывается на болоте, обычном месте охоты на пернатую дичь, к которой относится и чибис, то во втором он встречает птицу-охотника, хищника коршуна, “вора” [5, р. 33], который пользуется заслуженно дурной славой у крестьян. “Подожди немного! Я тут же вернусь; / Я только принесу ружье!” [5, р. 34], — говорит поэт. Коршун — “попутчик” [5, р. 33] бекаса, следовательно, ждать его прилета недолго. В последнем стихотворении подцикла описывается охота на бекаса: “От утреннего часа / До темной ночи, Со своим кремневым ружьем и своей собакой, / Сквозь лес, сквозь кусты; / И притом у него на шляпе перо / Первого бекаса, принесенного из леса, / Когда он выбран Королем Бекасов” [5, р. 36]. Но эта птица быстро покидает Данию, устремляясь на север, и охотник “вешает ружье [на стену]” [5, р. 36]. Завершается и тема охоты в подборке.

Следующая группа стихотворений состоит из трех текстов, в стандартном издании цикла идущих друг за другом: это “Черный дрозд”, “Дрозд” и “Лесной голубь”. Уже неоднократно упоминавшееся в этой статье стихотворение “Черный дрозд” говорит одновременно и о Дании, и о Норвегии. В нем отмечаются наиболее характерные особенности норвежской и датской природы: “Холодные вершины норвежских гор” и “ели”, типичные для норвежского пейзажа, и датские “буки” [5, р. 40]. В остальных стихотворениях этой подгруппы развивается противопоставление природы двух стран. В стихотворении “Дрозд”

описывается жизнь норвежского леса среди “белых скал”, где в темном лесу токуют “глухари”, “где сильный медведь идет за добычей, / И трусливый волк поджидает [жертву]” [5, р. 42–43]. С этим диким пейзажем контрастирует описание датских буков, “красы леса” [5, р. 47], где не встретишь хищных животных. В датском лесу живет мирный лесной голубь, который “ищет в лесу наиболее безопасного убежища / для верной любви среди домашнего покоя, / Для семейных радостей в сокровенном жилище”, когда “бук в мае раскрывает свой зонтик от солнца” [5, р. 47].

Внимательное чтение показывает, что три следующих стихотворения, которые в изданиях полного цикла “Перелетных птиц” не идут по порядку, могут объединяться в подцикл с общей идеей. В стихотворении “Ржанка” песня ржанки раздается, когда природа еще не проснулась после зимних холодов и именно песня этой птицы предвещает наступление весны и возрождение природы. Второе стихотворение этой группы, “Свиристель”, проводит параллель между “Фениксом Севера”, то есть свиристелью, которая, как кажется поэту, каждый год “становится молодой в очищающем огне” [5, р. 37], и бессмертной человеческой душой: “Ах! но при каждом омоложении старится / Господин Земли, пока наконец он не сражен / Более сильным [господином], Смертью. В прах и пепел / Падает прелестная маска Души. / Да! но ведь еще более сильный Господин, [властный над] Смертью сохраняет / Душу лучше, когда из очищающего тлеющего пепла / Она, бессмертный Феникс, на небесных крыльях / Над смертью и мраком взлетает к свету” [5, р. 38].

Наконец, последнее стихотворение этой подгруппы — “Жаворонок” — воспевают весну, весеннее обновление природы, но одновременно, как говорит поэт, “в то время как мороз сковывает грудь моря, / Он открывает мою [грудь — жилище души] своими ликующими песнями” [5, р. 19]. Возрождение природы, по мысли составителей сборника, может быть приравнено к бессмертию вечно юной души.

Четыре стихотворения объединяет идея поисков “блаженства на земле” [5, р. 54], причем оно понимается по-разному. Для выпы блаженством является скромная жизнь в тихом уголке (“Выпь”), а для кулика турухтана “веселая жизнь” означает хорошую драку (“Турухтан”) [5, р. 54]. Счастье кулика песочника заключается в заботах о доме и семье (“Кулик песочник”). Как удерживать любовь, основу семейного счастья, говорится в последнем из четырех стихотворений подгруппы, “Вальдшнеп”: “Опасное время — весна

любви, / О девушка! / Оно пророчествует о любви до смерти, / Но обманывает — / Оно обманывает все чаще и чаще, / О женщина! Быстро приходит Амур-Любовь, но и мгновенно / Исчезает. / Но если ты понимаешь, как взять его в плен при помощи дружбы, / Красавица! / Он вознаградит тебя верностью в осеннюю пору, / Как и весной” [5, р. 61].

Пять стихотворений, продолжающих подборку, воспринимаются как отдельные фрагменты большого цикла и приводят на мысль упоминавшийся выше цикл композитора Йеспера Лунда Якобсена, в котором стихотворения Бликера представляют собой портреты определенных человеческих характеров. В сборнике 1951 г. мы встречаем бедного, но свободного поэта (“Щегол”), верных влюбленных (“Коноплянка”), заботливых родителей (“Ласточка”), беспринципного циника (“Кукушка”), человека, умеющего быть счастливым в бедности (“Луговой конек”).

Стихотворения, завершающие и полные издания “Перелетных птиц”, и выборку 1951 г., посвящены двум поэтам — Соловью и Лебедю. Поэтическое творчество объединяет их, но соловей поет для себя, а лебедь — для вечности.

На примере издания 1951 г. можно сказать, что издание бликерового цикла в сокращенном виде приводит к тому, что цикл рассыпается на отдельные фрагменты, однако новые сочетания стихотворений помогают увидеть в них неожиданные смыслы.

В 1965 г. вышел сборник “Датская лирическая поэзия” [2, р. 444], в котором находим шесть стихотворений из цикла “Перелетные птицы”. Группа стихотворений, помещенная в сборник подряд, начинается “Прелюдией” и “Увертюрой”, что говорит о желании составителей подчеркнуть, что они представляют читателю не разрозненные стихотворения, а прославленный цикл. За традиционным зачином цикла следуют две пары стихотворений, в каждой из которых тексты подобраны по принципу противопоставления. В первую пару входят стихотворения “Ржанка” и “Ушастая сова”. Каждое из них неоднократно образовывало новые по отношению к первоначальному циклу последовательности с разными стихотворениями из “Перелетных птиц”. В данном случае эти два стихотворения могут противопоставляться по следующим признакам: “день” (“Ржанка”) — “ночь” (“Ушастая сова”); мелодия в миноре, по темпу меланхолическое *Maestoso* [5, р. 17] (“Ржанка”) — “звук Дикой Охоты” [5, р. 23], когда бешено скачущие призрачные охотники трубят в рога (“Ушастая сова”); смелая “флейта” ржанки

[5, р. 18] (“Ржанка”) — “наводящий ужас фагот” совы [5, р. 23] (“Ушастая сова”). Во второй паре стихотворений — “Чибис” и “Коноплянка” — противопоставление менее сложно: болото противопоставляется лесу, а бранчливый чибис — искренней и любящей коноплянке. Заключительные строки “Коноплянки” о том, что птичий концерт “есть лишь прелюдия к большому [концерту]” [5, р. 67], то есть к гимну, который поют небо и земля, славя Бога, становятся итогом всего новосозданного цикла.

Жизнь “Перелетных птиц” во времени показывает, что, с одной стороны, перед нами стихотворения, каждое из которых представляет собой самостоятельное, законченное художественное произведение, которое, будучи рассмотрено отдельно от прочих, может и не нуждаться ни в каком соседстве. С другой, при чтении подряд все эти стихотворения складываются в единый текст, поскольку, если стихотворения Бликера рассматриваются как части единого целого, каждое из них может играть роль эпизода в создающемся при чтении повествовании, и все эпизоды-стихотворения становятся составными частями сюжета. Особенностью сюжета в “Перелетных птицах” является его не сразу заметная нелинейность: читатель наблюдает различные картины природы, случаи из жизни птиц, как если бы стоя в центре собственной маленькой вселенной, которая вращается вокруг него со сменой времен года. Каждое из стихотворений Бликера многопланово, многозначно, аллегорично и потому не сводимо к поэтическим переложениям справочника по орнитологии. Оно имеет несколько пластов значений — от прочтения почти биографического до обобщающего. Многогранность текстов, с одной стороны, и неявно выраженные связи внутри цикла, с другой, приводят к тому, что первоначальная центричная композиция может с легкостью нарушаться. Стихотворения выстраиваются в новые циклы, но их сюжет становится линейным. При этом на первый план могут выйти те значения, которые не привлекали внимания читателя при обращении к циклу в его оригинальном, авторском, составе. Смысловые связи между отдельными стихотворениями цикла в его авторской редакции настолько малоощутимы, что на первый взгляд перед читателем оказывается тридцать три независимых друг от друга детали, которые могут складываться в соединения числом от двух и больше. Фрагментирование происходит не только на макроуровне (вычленение новых циклов из авторского), но и на микроуровне, когда изменениям подвергается текст отдельного стихотворения, и тем самым изменяется первоначальный

смысл. Бликеровский цикл вполне оправдывает свое название: его стихотворения подобны птицам, летящим стаей и все время меняющимся местами. Неизменны лишь их свободная общность и полет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Dumreicher C.* Introduktion // Blicher St.St. Trækfuglene. Naturkoncert. København, 1918. XIV, 76 p.
2. *Blicher St. St.* En Bibliographi / Udarb. af A.G. Jørgensen, Ch. Hviid, A. Johansen, C.J. Jeppesen, M.W.Jønson. København, 1993. 644 p.
3. *Blicher St.St.* Trækfuglene. Naturkoncert. Kjøbenhavn, Det Reitzelske Forlag (George.C.Grøn), 1894. 185 p.
4. *Blicher St.St.* Trækfuglene. Naturkoncert. København, Fr. Bagges. Kgl.Bogtrykkeri, 1918. 84 p.
5. *Blicher St.St.* Trækfuglene. En Naturkoncert. Middelbo, 1950. 91 p.
6. *Blicher St.St.* Trækfuglene. Naturkoncert. Af Steen Steensen Blicher. København, Chr. Erichsen, 1980. 77 p.
7. *Blicher St.St.* Trækfuglene. En Naturkoncert. København, 1978. 88 p.
8. *Christensen G.* Introduktion // Blicher St.St. Trækfuglene. En Naturkoncert. Middelbo, 1950. P.1–12.
9. *Nørvig Johs.* Steen Steensen Blicher. Hans liv og værker. København, 1943. 608 p.
10. *Sørensen K.* St.St. Blicher. Digter og samfundsborger. København, 1998. 297 p.
11. *Laub, Thomas; Blicher, St. St.; Winther, Chr.; Oehlen-schläger, Adam; Pontoppidan, H.; Samfundet Dansk Kirkesang.* 7 danske sange; for 3 lige stemmer. København, 1971. 7 p.
12. *Schierbeck, Poul.* Sig nærmer tiden / (præludium af St. St. Blichers "Trækfuglene"). Ms. Autograf. Det Kgl. Bibliotek, København.
13. Præludium. Sig nærmer Tiden, da jeg maa væk. Musik af Grethe Sawyer. Text af Steen Steensen Blicher. Odense, 1919. 4 p.
14. *Udsen, Jonny.* Præludium; *Blicher, Steen St.* "Trækfuglene"; Tryk H. P. J. s.a. 4 p.
15. *Nørgård, Per.* November-præludium. (til tekst af St.St. Blicher fra "Præludium" ("Trækfuglene"), vers 1, 2, 3, 4 og 6). Ms. Autograf dateret: 'Kbh. 11/11–92'. Det Kgl. Bibliotek, København.
16. Folkehoejskolens Sangbog. Udgivet af Foreningen for Folkehoejskoler i Danmark. 17ende udg. Odense, 1993. 1020 p.
17. *Blicher, St.St.* Syv digte. Komm. Viggo Thirup. Herning, 1975. 15 p.
18. *Høybyes Korbog.* Opskrifter til børne- og ungdomskor. Herning, 2011. 62 p.
19. *Geisler, Chr.* Børnesange til Texter af Steen Steensen Blicher's "Trækfuglene". Ms. Autograf dateret (på titel-bl.): 'Februar 1900'. Det Kgl.Bibliotek, København. MA.ms.6611.
20. *Jacobsen, Ejnar.* Musik til 4 Digte af Blichers "Trækfuglene". Ms. Autograf. Det Kgl. Bibliotek, København. MA.ms.6694.
21. Brochüren / Trækfuglene. 15 digte. Vejleder: Jesper Lund Jakobsen [et al.]. Frederiksberg, Blicher-Selskabet : i samarbejde med Olufsen, 2004. 14 s.